

ФЭНТЕЗИЙНАЯ ПОВЕСТЬ

Ангелы не возвращаются

А. Вэджу

16+

Александра Вэджи
Ангелы не возвращаются

«Автор»

2012

Вэджи А.

Ангелы не возвращаются / А. Вэджи — «Автор», 2012

ISBN 978-5-532-09281-5

Главная героиня просыпается ночью на улице странного города и сразу попадает в неприятности. Из-за провалов в памяти, ей приходится убегать от незнакомых людей и преследователей. В мире Перекрестка, где пересекаются судьбы людей, потерянных душ и демонов становится опасно. Здесь можно приобрести не только новых друзей, но и врагов. Всплывающие воспоминания раскрывают забытые тайны. После знакомства с музыкантом Игорем, судьба главной героини резко меняется. Она пытается спасти этого человека от неправильного выбора, скрывая свою истинную сущность и причину своего изгнания. В оформлении обложки использовано изображение сервиса Pixabay.

ISBN 978-5-532-09281-5

© Вэджи А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть I.	5
2. Случайная закономерность.	12
3. Там, где поют дельфины.	15
4. Живущие в темноте.	19
5. Потерянный путь.	22
6. Основной инстинкт.	24
7. Крейзи.	26
8. Первый закон Перекрестка.	29
9. Мечь Крейзи.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александра Вэджи

Ангелы не возвращаются

Часть I.

*Если ты споткнулся и упал,
это еще не значит, что ты идешь не туда...
(Слова Ванталы).*

Пробуждение.

– Эй, э-эй... Очнись, слышишь?

Голос вытекал из темноты, резкими нотами разбивая вязкую тишину.

Он то приближался, то отдалялся, затягиваясь мутными образами.

– Ты жива?

В груди что-то слабо всколыхнулось. Вдох, ещё один...

– Эй... – продолжал возникать настойчивый голос. – Что с тобой случилось?

Голос ненадолго затих, и густая темнота вновь начала заволакивать мелькающие светлые пятна. Сознание медленно проваливалось в мягкое пространство, заполненное тишиной и безмятежностью.

– Да проснись же! – высокий тон голоса вызвал очередной всплеск и легкое раздражение. – Может, «скорую» вызвать?

Прикосновение – и реальность ответила дробным импульсом, подняв тяжелую ртутную волну. С молниеносной скоростью она разрослась до размеров цунами, мощным толчком взорвав темноту. Шквал отрывистых резких звуков осыпал со всех сторон. Яркий свет ослепил глаза. Она тут же инстинктивно зажмурилась, вновь погружаясь в темноту. Волна ощущений пронзила все тело вместе с резкой болью. Из груди вырвался стон. Болела каждая частичка тела, все мышцы сводило судорожными, неприятными ощущениями. Ощущения... Они были незнакомыми... Или давно забытыми? Кожа чувствовала каждую каплю дождя, сыпавшегося с холодного неба. Было тяжело дышать... Она с силой вдыхала в себя воздух. Легкие расширились и сжимались. Чувствовался резкий запах бензина, отсыревшей пыли и едва уловимый цветочный аромат. Кровь растекалась по венам, постепенно разгоняясь, пульсом отдавая в висок, порождая в темноте темно-серые пятна, а в области груди мерно тяжелыми ударами билось горячее человеческое сердце... Живая...

Сознание привыкло к телу, ощущая теперь способность двигать всеми суставами: руки, кисти, пальцы, колени... Но любое малейшее движение давалось с трудом, будто тяжелые цепи проходили сквозь асфальт, сковывая тело.

Она снова открыла глаза, и сквозь серые блики начали проступать очертания предметов, извилистые линии, формы, цвета. Взгляд выхватывал детали: камень на асфальте, смятая пачка сигарет, красный цветок на подоконнике верхнего этажа, извилистые узоры на стене...

Постепенно зрение привыкло. Тот яркий свет, что поначалу ослепил глаза, падал от стоящего неподалеку фонаря, и теперь оказалось, что он едва освещал улицу. Совсем рядом проглядывался силуэт человека... Человек?! От неожиданности девушка попыталась быстро вскочить на ноги, но не смогла. Вместо этого она лишь неуклюже повалилась набок и осела на

землю. Все, что удалось сделать с первой попытки, так это попытаться отползти подальше и замереть в ожидании, точно загнанный в ловушку дикий зверь.

– Пьяная что ли? – сделала вывод стоящая рядом женщина. В тусклом уличном свете она была похожа на гору.

.... Водопад стекал от самой вершины. Он начинался с едва приметной узкой речушки, но такой стремительной и быстрой, что камень около нее оттачивался и полировался под ее течением, и со временем стал идеально гладким. Тонкой струйкой вода спускалась на одну ступеньку вниз, в большую каменную чашу, украшенную по бокам гибкими лианами, в кипящее бело-голубое озеро. Там вода разделялась на несколько тонких водопадов, которые после нескольких порогов, как хрустальные колонны, опускались в прозрачную гладь большого озера...

Мимо проехал автомобиль, на мгновение, осветив фарами лицо незнакомки: немолодая, полная, с короткой стрижкой, одетая в длинное черное пальто, которое освежал только светлый платок, небрежно накинутый на округлые плечи. В руках она держала пёстрый зонтик и сумку, похожую на пухлый кошелек.

Тем временем женщина успела рассмотреть девушку: хрупкое полуобнаженное тело выглядело мертвенно бледным на черном фоне, темные мокрые волосы падали на худые плечи. На ней была только промокшая белая рубашка. Женщина невольно вскрикнула:

– О, да на тебе и нет ничего! Можешь встать? – она помогла ей встать.

– Иди домой, сумасшедшая, простудишься! Тебя что ограбили? Избили?

Девушка молчала. Язык не хотел слушаться. *“Так она меня видит?”*

– Иди домой, – настойчиво повторила женщина и, видимо решив, что ее дело закончено, пошла дальше. Отойдя на несколько шагов, она оглянулась и заметила, что девушка так и осталась стоять на месте в нерешительности. Тяжко вздохнув, женщина вернулась обратно.

– Ты хоть знаешь, куда идти-то? – спросила она.

– Нет, – наконец выдавила из себя девушка и удивилась тому, что не узнает свой голос, будто кто-то произнёс эти слова за нее. Но еще больше ее пугала крошечная тьма в собственной памяти... Она никак не могла понять, кто она и как оказалась здесь.

– Ох, и свалилась же ты на мою голову. Что ж с тобой делать? Та-ак, – женщина отошла в сторону и вытащила мобильный телефон, набирая номер. Она с кем-то заговорила, попросила о чем-то, назвала адрес и, видимо, удовлетворённая ответом, опустила телефон обратно в сумку.

– «Ну вот, сейчас за тобой приедут», – сказала незнакомка. Больше она не заговаривала с девушкой, а только стояла в стороне, ожидая.

Девушка переступила с ноги на ногу и еще раз робко огляделась по сторонам. Мысли путались. Сознание никак не хотело принимать происходящее. Вокруг возвышались серые громады многоэтажек, в некоторых окнах еще горел свет. Редкие фонари тоскливо освещали мокрую улицу. Лужи на асфальте продолжали вздрагивать под каплями дождя... Это был город. Но все вокруг было ей незнакомо, казалось, каждая деталь смотрела на нее чужим недружелюбным взглядом. От холодной воды ноги с непривычки начало сводить судорогой, и девушка присела на корточки, пытаясь согреться. Дождь стал сильнее. Незнакомая женщина, стоявшая в стороне, раскрыла свой зонтик и медленно подошла к девушке, укрывая и ее тоже. Почувствовался цветочный аромат.

– Да что ж так долго? – раздраженно произнесла незнакомка. Было видно, что все происходящее ей в тягость и хотелось поскорее уйти, вернуться домой, в свою спокойную семейную

жизнь. На лице женщины смешалось выражение сочувствия и брезгливости, желания помочь и усталости.

Вскоре в конце улицы показались бело-синие огни машины.

– Наконец-то, – с облегчением вздохнула женщина, отступая на два шага в сторону. Она еще раз взглянула на странную девушку.

– Ну, все, я пошла. Береги себя.

Мелкими быстрыми шагами она пошла вглубь улицы и вскоре исчезла за поворотом.

Огни приближались. В душе девушки зашевелилось беспокойство. Она встала. Спасительного зонта над ней теперь не было, и капли дождя обжигали холодом. Снова охватила мелкая дрожь. Патрульная машина приблизилась и остановилась недалеко от девушки. Сидящие в машине полицейские обменялись короткими фразами. Дверь открылась, и оттуда медленно вышел мужчина в темно-синей куртке. Оказавшись под дождем, он слегка ссутулился, пряча лицо от сырости. У него были коротко подстриженные волосы и черные, как маленькие угольки глаза. Слегка отросшая щетина на скулах придавала худому лицу еще больше жесткости. Широкие погоны на плечах делали его долговязую фигуру немного неуклюжей. Подойдя поближе, полицейский вытащил из кармана удостоверение и представился.

– лейтенант Минаев. Нам сообщили о случае грабежа. Вы жертва?

– Что? Нет, – с усилием ответила девушка. Она напряглась, внимательно следя за каждым движением мужчины.

– То есть у вас все в порядке?

– Да, то есть, нет, – она неопределенно мотнула головой, не зная, что ответить.

– Позвольте взглянуть на ваши документы?

В лице незнакомки отразилось непонимание.

– То есть, документов у вас нет и помощь вам не нужна?

Девушка отрицательно качнула головой.

– Понятно, – сделал вывод Минаев. – Проедемте с нами в отделение.

И сделал шаг вперед к девушке. Та резко отпрянула.

– Да вы спокойнее, спокойнее... Подробно расскажете, что с вами произошло. Может быть, мы сможем вам помочь.

И тут девушка, в попытке убежать, сделала какие-то нелепые движения: она разбежалась и через пару неуклюжих шагов высоко подпрыгнула. Вновь оказавшись на земле, она недоуменно замерла. Полицейский, собравшийся за ней побежать, остановился в нерешительности, видимо, пытаясь найти логичное объяснение действиям незнакомки. Девушка быстро сориентировалась и рванула в сторону. Но тут всё ещё непослушные ноги подогнулись в коленях, и она снова рухнула на асфальт, больно ободрав плечо.

– Максим! – коротко скомандовал Минаев напарнику. Тот неохотно вывалился из теплого нутра машины под морозящий дождь. Вторым полицейским оказался полной противоположностью первого. Внешне он напоминал аккуратно сформированный пончик. Форма на нем казалась чуть меньше по размеру, но, в то же время, делала его более подтянутым. Пухлые слегка румяные щеки придавали совсем еще молодому лицу здоровый и бодрый вид.

Через считанные секунды руки девушки оказались крепко зажатými за спиной. Она вскрикнула от боли.

– Что вы... делаете? Отпустите! Я... я не сделала ничего плохого! – с трудом выдохнула она.

– Ничего, в отделении разберемся, – ответили ей, запихивая в машину.

– Такая молодая, и употребляешь всякую дрянь.

Ее повели по длинному коридору. Отделение полиции в этот час практически пустовало, изредка на нее с удивлением смотрели попадавшие на пути сотрудники.

– О, откуда такое чудо, Минаев? – не удержался один из них.

– Третья за сегодня.

– Грозит тебе премия в конце квартала! – засмеялся сотрудник.

Минаев только ухмыльнулся в ответ, достал на ходу ключи и открыл дверь. Девушку завели в огороженную железными прутьями камеру, тоскливо заскрежетал дверной замок. Сам лейтенант с тяжестью уселся за стол, а его напарник тем временем остановился в дверях.

– Слушай, Макс, – обратился старший. – Ты подсуетись на счет одежды, – он кивнул в сторону девушки. – Может, найдешь чего? А то...

Макс коротко кивнул и скрылся за дверью. Минаев взглянул на часы, устало вздохнул и вытащил лист бумаги.

– Ну что, поговорим? – многозначительно спросил он, не поднимая глаз.

– Выпустите меня, – с дрожью в голосе попросила незнакомка. – Ведь я ничего не сделала.

– Что, уже отпустило? Дело не в том, сделали вы что-то или не сделали. Дело в том, что нам надо выяснить, кто вы и что делали на улице в такой час в таком виде, – отчеканил полицейский фразу, которую произносил явно не один раз. – А то ведь к нам жалобы поступают от других граждан. Просят проблему решить, вдруг человек нуждается в помощи.

– Но...

– Имя? – последовал первый вопрос.

Девушка притихла, внезапно сбитая с толку простым вопросом. Имя... У каждого человека есть имя, значит, и у нее оно тоже должно быть Но какое? В голове смешались сотни имен, но ни одно из них не было знакомо. *"Я не знаю, я не помню своего имени!.."*

– Что, будем молчать?

– Дана, – вдруг выпалила она. *"Дана? Почему именно это? Ну ладно, Дана, так Дана"*.

Лейтенант поднял брови и неторопливо заполнил первую строчку. Немного подождав, он вопросительно взглянул на Дану.

– Фамилия? – раздраженно протянул он.

Девушка побледнела.

– Фамилия?

– Ну да, фамилия, отчество?!

«С Луны она упала что ли? Вот кадр!» – подумал Минаев, раздражаясь всё больше.

– Дана... Дана Анатольевна... Ильинская, – проговорила девушка первое, что выпало из глубины памяти.

– Хм, Анатольевна?

– Анатольевна.

– Ильинская?

– Ну да, Ильинская, – робко согласилась Дана, опустив глаза.

Лейтенант пробурчал ее взглядом и, ничего не дождавсь, снова наклонился к своему листку.

А ей вдруг ужасно захотелось исчезнуть из этого места, прекратить события, происходящие с ней, убежать куда-нибудь подальше отсюда ... Но сейчас она не могла ничего сделать. И самым скверным было то, что она ничего о себе не помнила. Она понимала только одно: всё, что она видела вокруг, было ей отчасти смутно знакомо.

– Возраст? – последовал очередной вопрос.

– Что?

– Дата рождения? – спокойно повторил Минаев, не отрывая глаз от бумаги. Повисла пауза.

Девушка вместо ответа стала внимательно разглядывать комнату, будто только сейчас поняла, где находится. Ее взгляд медленно изучал плакаты на стенах, электрическую лампочку, прутья решетки, бетонный пол. Она словно ждала, что окружающая обстановка подскажет ей нужную информацию, но это всё никак не удавалось.

Минаев вздохнул и, отложив ручку, устало потер глаза. Раздался легкий стук, и девушка, оторвавшись от изучения обстановки, взглянула на дверь.

– Разрешите? – вплыл розовощекий напарник Минаева. – Вот все, что удалось найти.

Он протянул девушке простое синее покрывало.

– Спасибо, – Дана закуталась в плотную ткань. Стало немного теплее и как будто уютнее.

– Может, еще чаю горячего? – неуверенно предложил молодой сержант, взглянув на лейтенанта.

Тот тяжело посмотрел на него, как наставник смотрит на своего подопечного, когда видит всю бесполезность потраченного на обучение времени.

– Не стоит, если не хочешь, чтобы она ошпарила тебя кипятком, пытаясь сбежать.

Услышав это, Дана возмущено нахмурилась, а сержант смутился.

– Слушай, Макс – смягчился лейтенант. – Ты лучше сделай нам кофе. Да покрепче.

– Сейчас организуем, – взбодрился сержант и суетливо вышел.

Снова тишина. Минаев вопросительно смотрел на Дану.

– Я жду.

Девушка неуверенно взглянула на свои руки, провела ладонью по лицу, будто пытаясь определить возраст своего тела. Минаев недоуменно наблюдал за её движениями.

– Семнадцать, – наконец ответила Дана.

“Наверное, семнадцать...”

– Та-ак, несовершеннолетняя.... Ну и что же мы делаем в такой час на улице, да ещё в таком виде?

– Я не знаю, как там оказалась. Я ничего не помню, поверьте мне.

Он пристально посмотрел на нее.

– Почему раньше об этом не сказала?

– Не знаю. Наверное, просто испугалась.

– Ну-ну, – не поверил лейтенант. – Что-нибудь употребляла? Наркотики? Алкоголь?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Адрес-то хоть помнишь? Где живешь?

...Сидя на краю лилового мыса, можно было разглядеть почти весь остров. Здесь берег круто обрывался и уходил вниз, прямо в голубые воды. Лучшее всего было нырять с такой высоты в кристально прозрачное море и доплывать до острова на белый мягкий песочный берег, где среди больших папоротников порхали синекрылые бабочки....

И тут сработало чувство самосохранения. Дана почему-то представилась не очень приятная картина ее ближайшего будущего. Что с ней будет, если она не назовет адрес? Ее отпустят? В итоге, сам язык против ее воли произнес адрес, который появился в сознании неизвестно откуда.

– Улица Калининская, дом 21, квартира 17.

– Ну, вот и хорошо. Туда-то мы тебя и отвезем. – Лейтенант решительно встал и вышел.

В коридоре к нему подошел его полный напарник.

– Ну что? – он протянул ему кружку с кофе.

– Да ничего, – Минаев устало почесал затылок.

– Как ничего? Ну, ты выяснил кто она такая?

– Вроде того. Надо подождать, пока из нее выветрится то, что она употребляла.

– Наркотики?

Лейтенант пожал плечами.

– Утверждает, что ничего не принимала, а по поведению и не скажешь. Акт заполнил, но мне кажется, там одно вранье. Говорит, ничего не помнит, но по ней видно, что она что-то скрывает.

Полицейские вышли на свежий воздух и закурили. Дождь закончился, было сыро и холодно. От этого дым от сигарет зависал в воздухе вязким и тягучим облаком.

– Слушай, а может и не врет, – предположил Максим. – Может, она из психушки сбежала?

– Ты знаешь, у меня тоже была такая мысль. И одета странно...

– И что теперь с ней делать?

– Отвезем по адресу, – Минаев поднял воротник куртки, закрываясь от холодного ветра. – Вот ночка-то выпала, а? Думал, хоть сегодня выплусь. А ты давай-ка пробей на всякий случай ее имя – Ильинская Дана Анатольевна. Может, что и выясним.

Максим кивнул и направился выполнять задание. Минаев проводил его взглядом и, вздохнув, пошел обратно в свой кабинет.

Задержанная сидела на полу, тоскливо обняв металлические прутья решетки.

– Так вы меня не отпустите? – спросила она, как только лейтенант вошел.

– Пока нет. Выясняем обстоятельства, – он снова уселся за стол, поставив перед собой недопитый кофе. К его сожалению, ожидаемая бодрость не пришла, наоборот он почувствовал себя вдруг еще более уставшим. Наверное, потому, что наступало самое тяжелое время суточной смены, когда бороться со сном было тяжелее всего.

– Но вы ведь знаете, что я ничего не сделала, – девушка почему-то начала говорить очень медленно, четко, но мягко проговаривая каждый слог.

Минаев поднял глаза и уткнулся в ее взгляд. Он готов был поклясться, что глаза у девушки изначально были темными, а не голубыми, как сейчас. Ему вдруг показалось, что он провалился вглубь синей бесконечности.

... Он сразу вспомнил голубое бездонное небо. Такое бывает только летом, когда несколько дней стоит жара. В детстве он любил такое небо, и чтобы на нем непременно не было ни одного облачка. Тогда, если встать где-нибудь в поле и глядеть вверх, запрокинув голову, непременно покажется, что небо поглощает своей синевой. И ты понимаешь, что это не просто темно-голубое полотно, а бесконечное воздушное пространство, которое не объять руками. И от этой мысли дух захватывает еще больше...

Минаев встряхнулся, приходя в себя. И вдруг то, что он увидел, мгновенно развеяло подступавшую дремоту...

Максим активно работал за компьютером с базой данных, пытаясь найти наиболее подходящие варианты совпадений, когда дверь отворилась, и в ней показалось бледное, с круглыми глазами лицо Минаева.

Он присел напротив него и молча посмотрел напарнику в лицо.

– Ты чего? – спросил Макс.

– Ее там нет.

– Как это нет? Должна быть. Конечно, по нашему округу я полных совпадений не нашел. Думаю, имя все-таки ложное. Ильинская Дана Анатольевна действительно существует, но вот к нашей неизвестной она никак не относится. В розыске никогда не числилась, а живет тихо-мирно в своем Питере вот уже 72 года. Ну, если только она не питается молодильными ябло-

ками и не умеет летать... на метле, – усмехнулся сержант, на его круглом лице расплылась улыбка.

Минаев тоже вслед за ним ухмыльнулся.

– Слушай, а может она и правда того... ведьма?

– С чего ты взял? – в выражении лица Максима появилось некое снисходительное сочувствие к уставшему напарнику.

– Да нет ее там.

– Где – там?

– В кабинете! – взорвался Минаев.

– Минаев, да ты чего? Куда же она могла подеваться?

– Это ты меня спрашиваешь? – он вскочил со стула. – Пойдем, увидишь...

В комнате для допросов действительно было пусто. Макс суетливо прошелся в одну сторону и в другую, пытаясь разглядеть забившуюся в темный угол хрупкую незнакомку. Но клетка была пуста. Внутри на полу лежало брошенное покрывало, а на стене появилось непонятного происхождения большое обуглившееся пятно....

2. Случайная закономерность.

Чувство тревоги не оставляло Дану с того момента, как она оказалась в окружении людей. Инстинкт настойчивым пульсом повторял, что нужно бежать, бежать от них подальше. Поэтому, когда полицейский вышел, она решила действовать. Для начала надо было быстро изучить обстановку: за дверью – люди, которые попытаются её остановить, окон нет. Пленница окинула взглядом всё помещение от обшарпанного пола и серых стен до мутного потолка в поисках слабого места. Получалось, что выбраться из данного помещения разумными методами было просто нереально. Да и прежде чем выбраться из комнаты, надо было открыть решетку.

Девушка с силой дернула замок, дверь с холодом звякнула, не оставив надежды. Попытки разогнуть толстые железные прутья тоже не увенчались успехом. Она еще раз пробежалась по клетке, но все, как назло, было сделано с упором на прочность и надежность. Дана вернулась к замку и начала с усилием раскачивать его, пытаясь разломать механизм, но тут же безнадежно повисла на нем, поняв всю бессмысленность своих действий. Внезапно вспыхнувшая решительность рассеялась так же быстро, как и возникла. А когда вошел лейтенант, Дана, едва представив продолжение мучительного допроса, испытала вдруг такую волну усталости, что с трудом могла говорить. Эта волна была настолько сильной, что накрыла сонным покрывалом весь кабинет. Даже Минаев опустил голову на стол. Дана отняла руки от решетки и села, прижавшись спиной к стене. Она прикрыла глаза и почти сразу ощутила невероятную слабость, такую, которая не позволяет даже шевельнуться, захотелось вдруг уснуть безмятежным сном. Ей казалось, что она проваливается в мягкую бездну. Но подобные ощущения длились лишь несколько мгновений, потом послышался легкий шум, и раздался хлопок или, вернее, сильный порыв ветра, какой бывает от взмаха крыльев, или от резко захлопнутой двери.

Холодный поток воздуха хлынул в лицо. Еще несколько мгновений, Дана, потерявшись в пространстве, инстинктивно попыталась ухватиться за что-нибудь, но ее пальцы ощущали только пустоту. Резкий толчок – и все замерло. Густая, еще не скошенная трава на газоне смягчила падение, оставив лишь небольшие ссадины на коленях и ладонях. Оглядевшись, девушка поняла, что каким-то образом оказалась снаружи. Однако стена, из которой она только что выпала, была целой, не считая подпаленных кирпичей. В глазах девушки отразилось удивление, потом вопрос, на который она не смогла найти ответ. Но видимо то, что она теперь оказалась на свободе, оправдывало результат, и ее губы в благодарность прошептали кому-то «спасибо». Девушка осторожно поднялась на ноги, но не смогла сделать ни шагу. Внезапная боль начала пульсировать в верхней части ее спины. Дана отползла к ближайшим кустам и повалилась наземь, чтобы переждать приступ боли. Скоро она услышала голоса полицейских и замерла, стараясь не выдать свое ненадежное укрытие.

Полицейские вышли из-за угла здания неторопливым шагом, явно не надеясь уже кого-то найти. Они осветили фонарями место возле стены и само обуглившееся пятно.

– Что за чертовщина? – пробормотал Максим.

– Такое ощущение, что здесь поработали огнеметом, – Минаев потрогал стену, на его пальцах остался слой копоти. – Холодная.

– Может, подорвали?

– Шутишь? И ни дыма, ни взрыва, ни сквозной дыры, ни трупа?

Напарник замялся с ответом.

– Черт, – продолжал злиться лейтенант. – И что теперь в отчете писать? Задержанная потихому сама себя подорвала, а мы не заметили у нее бомбы? – Он брезгливо вытер испачканные в саже руки об траву. – Смотри, здесь вроде следы.

Отпечатки босых ног терялись в траве лужайки.

– Бред какой-то, неужели еще и жива? Но как? – сержант с удивлением рассматривал следы.

– Далеко она уйти не могла. – Минаев осветил фонариком ближайшую клумбу. – Давай в машину. Проедем по окрестностям.

Захлопнулись одна за другой дверцы УАЗика, машина медленно тронулась по дороге.

Когда машина скрылась за поворотом, девушка приподнялась, чувствуя, что боль почти утихла, сконцентрировавшись в области лопаток, время от времени отдавая в предплечья. «Что же со мной происходит? Почему? Ведь такого не должно быть? Или... нет, лучше об этом не думать». Дана еще раз огляделась, чтобы убедиться в том, что теперь она в безопасности. На улице было прохладно, хотя дождь и прекратился, в воздухе все равно была сырость, от которой становилось еще холоднее. Надо было что-то делать. В первую очередь – найти одежду и укрытие.

Отделение полиции стояло недалеко от входа в метро, ближайшее здание, которое Дана определила, как жилое, находилось через дорогу. Трасса ярко освещалась фонарями с двух сторон, утешало то, что автомобилей почти не было. Изредка проезжали на большой скорости лихачи, ощутившие свободу ночного движения. Дана огляделась, прислушиваясь к неспящему городу. На первый взгляд казалось, что вокруг нет ни одной живой души. Но стоило приглядеться или прислушаться, сразу ощущалось чье-то присутствие: совсем недалеко под землей – люди, работающие в ночную смену в метро, где-то в переходе лениво лает уличный пес, в окне одного из зданий мелькнул силуэт – кому-то не спится, а на одном из деревьев шевельнулась дремлющая птица.

Дана набралась смелости и побежала. Оказавшись на другой стороне дороги, в тени многоэтажного здания, она огляделась вокруг, решая, куда пойти дальше. И тут взгляд упал на серую табличку с надписью, висевшую на стене – «ул. Калининская». «Что-то знакомое... Ах да! Совпадение?». Ну да, она же совсем недавно продиктовала на допросе якобы свой адрес: Калининская, 21, квартира 17. «Но как такое может быть?! – подумала она. – Ладно, в любом случае идти больше некуда. Надо проверить эту версию, может быть, я действительно там живу. Не случайно же всплыл этот адрес?». Конечно, с одной стороны был риск того, что по этому адресу могут появиться те люди в погонах, но что-то подсказывало, что пока там будет безопасно. Пока... Увлекаемая смутными предчувствиями, Дана направилась к первому же подъезду...

Дом № 21 выглядел в ночи так же, как и предыдущие дома-близнецы. Только этот, казалось, выглядел старше всех остальных. На углах местами осыпалась штукатурка, а битый фундамент хранил в себе отпечатки нескольких десятилетий.

Дана с нетерпением дернула ручку двери и оказалась в подъезде. Здесь было значительно теплее, чем на улице. Лампочка тускло освещала забетонированные стены, выкрашенные в темно-зеленый цвет, и серый, с многочисленными сколами, пол. Справа висели почтовые ящики. Некоторые из них были раскрыты, на полу небрежно разбросаны мелкие рекламные листовки. Дальше, в нише, проглядывалась лестница на первый этаж и дверь в кабину лифта. Лифт почему-то доверия не внушал. Лестница тянулась вверх, в полумрак.

«Может, не стоит идти туда? Вот влипла же в неприятности!» – Девушка потерла руками виски, пытаясь оживить память. Но тщетно. Надо идти.

Второй этаж. Ноги стали невыносимо тяжелыми, во всем теле чувствовалась невероятная слабость.

«А с другой стороны, не оставаться же мне здесь. Должна быть закономерность... следствие... причина», – мысли путались. Третий этаж, четвертый... Оставалось пройти один пролет, но сил почти не осталось, ноги уже с неохотой поднимались по ступеням. Дана облокотилась на перила и посмотрела вниз – неожиданно закружилась голова, и она, пошатнувшись, прислонилась к стене. «Да что же со мной происходит? Остался всего один этаж, один». Ей стало немного легче, и она снова двинулась дальше.

Дана не заметила, как оказалась перед нужной дверью. Некоторое время она в упор смотрела на глазок, сомневаясь в последнем действии, которое ей надо было сделать. Одной рукой она упиралась о стену, чтобы не упасть. «17 – хорошее число» – это единственное, что пришло ей в голову, и палец упорно нажал на кнопку звонка. Через некоторое время за дверью послышался легкий шум и недовольное бормотание. Дана невольно сделала два шага назад. Тишина. Щелчок замка, дверь медленно отворилась... Голова закружилась, и серая пелена перед глазами медленно затянула во тьму...

3. Там, где поют дельфины.

Городская улица была бездонно чёрной. В эту глубокую ночь почти во всех окнах зияла темнота, лишь стекла холодно отсвечивали желтый свет редких уличных фонарей. Было зябко, почему-то особенно мерзли плечи. Дана съежилась, обхватив их руками, но и они были холодными, как лед. Босые ноги неохотно несли ее по мокрому асфальту – вернуться бы в тепло.... Она чувствовала, что назад уже не вернуться. Окружающий мрак и тишина пугали. Казалось, что в каждом темном углу затаилось нечто ужасное.

Неожиданно у виска пронёсся мгновенный порыв ветра, принёсший чей-то шёпот.

–Сиа-а-а....

Дана резко обернулась – никого. Сердце забилось чаще – что это? Имя? Что-то смутно подсказывало, что оно ей знакомо.

–Сиа-а-а, – прошелестел шёпот, уже в стороне.

Никого... И тут в глубине сознания беспокойно запульсировала мысль: *"Сиа, Сиа, Сиа"* Воспоминание прорвалось яркой вспышкой – *"Это же мое имя! Сиа... Так меня звали, когда я была.... Как я могла забыть?!"*

В этот момент даже отступил страх, но вскоре он вернулся снова.

– Сиа, – снова послышалось где-то совсем рядом.

– Ты будешь с нами? – добавил еще один шепот.

– Назад пути нет, ты знаешь, – тихо, но уверенно добавил кто-то третий.

И с нарастающей силой неизвестно откуда посыпались тысячи голосов.

– Это мы-ы....

– Он предал тебя....

– Отрекся....

– Скажи, что ты с нами....

– Скажи.... Скажи.... Скажи....

Дана побежала, но голоса то удалялись, то снова настигали её, сливаясь в один смешанный шум. В нерешительности Дана сделала несколько шагов назад...

Чьи-то руки неожиданно схватили ее сзади и потянули в темноту. Ее крик бесследно растворился в глубине ночи...

– Тише, ну что ты, что ты? – послышался чей-то успокаивающий женский голос. – Все хорошо, успокойся.

Дана сделала глубокий вдох, как будто до этого она была под водой и долго не дышала. На ее коже выступил холодный пот, сердце беспокойно кувыркалось в грудной клетке. Сон клочками растворялся в реальности. Казалось, что где-то вдалеке еще слышны голоса.

– Это просто сон, – сказала сидевшая рядом с постелью женщина. Она была полной и уютной в домашнем халате. Голос казался знакомым. Приглушенный свет падал из соседней комнаты через приоткрытую дверь и освещал ее лицо.

Присмотревшись, Дана насторожено замерла. Это оказалась та самая женщина, что встретила ее на улице, та самая, что потом выдала ее полиции. И теперь Дана не знала, находится ли она в безопасности. Она поняла, что глупо было идти по этому адресу, и теперь ее запросто смогут найти. Она попыталась приподняться, но незнакомка удержала ее.

– Куда ты?

– Мне... надо идти, – с трудом произнесла Дана. Горло горело, слышать собственный голос ей было непривычно.

– Куда идти? – с упреком произнесла женщина. – Опять на улицу? В два часа ночи...

– Простите...

– Лежи, – уже мягче продолжила она. – Болеешь ты, бредишь уже вторые сутки, а сегодня вон и до крика дошло. Вот выздоровеешь, тогда и решим, что дальше с тобой делать.

Женщина посмотрела на Дану испытующим взглядом.

– Я только хочу понять, откуда тебе известно, где я живу? Ты назвала в участке мой адрес, но как?..

Сердце Даны сжалось от дурного предчувствия.

– Меня искали?

– Да, они уже приходили сюда. Еще до тебя. Естественно, стали задавать много вопросов. Я рассказала, все как есть, что понятия не имею, о ком они меня спрашивают. Они извинились, объяснили, что, скорее всего, адрес был ошибочный. Мне не хотелось говорить, что это я сообщила им о тебе, тогда, на улице. А потом пришла ты И я не понимаю...

Дана ничего не смогла ответить и только нерешительно пожала плечами.

– Тамара! – раздался из другой комнаты мужской голос. – Где ты там пропала?

– Ну чего ты кричишь? Иду уже, – ответила ему женщина.

– Это мой муж, – пояснила она Дана. – Ладно, отдыхай, ты еще очень слаба. Потом поговорим.

Она встала и остановилась в дверях.

– Так, значит, тебя Даной зовут?

Девушка хотела было ответить, но ее настоящее имя застряло в горле, оставшись не озвученным. Так и не сказав ни слова, она только кивнула в ответ, решив оставить себе другое имя. Тамара улыбнулась и прикрыла за собой дверь. Вскоре усталость и слабость погрузили в спасительный сон...

Плеск моря, такого близкого и такого далекого. Оно сверкает под лучами солнца, играет под упругими порывами ветра. Вода близко и уже чувствуется её прохлада. Еще мгновение – и перед глазами уже другое небо. Это голубая бездна, наполненная неопишуемой красотой. Течение несет вниз, к долине морских цветов, к дарам, которые не могут существовать на берегу. Подводная скала, покрытая розово-белыми кораллами. Из-под них выплыло испуганное движением полупрозрачное облачко – медуза. Она мелькнула перед глазами, играя лилово-сиреневыми красками, и уплыла в сторону. В далекой синеватой дымке показался чей-то образ. Он все ближе... Дельфин! Он весело проплыл несколько кругов и приблизился, разрешая притронуться к себе. И как только ладонь коснулась его нежной гладкой кожи, он уткнулся носом в бок и, подхватив, помчался на поверхность. Миллионы сверкающих пузырьков столпились вокруг, помчались следом за дельфином и вылетели на поверхность, переливаясь всеми цветами радуги. Солнце блеснуло в глаза. Дельфин, словно улыбнувшись и весело пискнув, поплыл дальше, оставляя за собой след на воде. А она быстро взлетела в воздух, расправляя влажные крылья – свобода! И снова внизу искрится море, а вдали появились горные хребты.... Берег песочный, местами мелкая галька. Вода плещется, легкая волна омывает ноги, ласково прикрывает берег, и мелкие камушки на мгновение всплывают вверх, становятся ярче, красочнее. Но океан продолжает играть, и вода отступает, бережно положив свои дары на берег. И они остаются лежать на берегу, поблескивая капельками, в ожидании очередной волны....

Дана очнулась. За окном по-прежнему была глубокая ночь. В квартире стояла сонная тишина. Свет луны и уличных фонарей едва освещал комнату. Во рту было сухо, хотелось пить. Дана медленно приподнялась, тело заломило. На столике рядом с кроватью кто-то заботливо оставил стакан воды и тарелку с бутербродами. Дана наклонилась, чтобы взять стакан, и голова слегка закружилась. В руках и ногах чувствовалась слабость, они будто не хотели слушаться

нового тела. Вода оживила иссушенное горло, стало немного лучше. Дана снова повалилась на подушку, и легкий туман медленно опутал сознание.

– Уже третий день лежит, – донесся сквозь сон голос Тамары.
– Смотри, долежится, – ответил ей мужской голос.
– Перестань! Неужели тебе совсем не жаль ее?
– А чего ее жалеть-то? Это ты у нас сердобольная, ты бы всех убогих под свою крышу собрала. А вдруг эта окажется заразной?
– Ну чего ты мелешь-то?
– Чего, чего... Муку с хреном! Лечишь, лечишь, а все никакого толку!
– Ничего ты не понимаешь, молчи уже, – с упреком ответила Тамара.
– Давно уже пора узнать, чья она. Вот пусть родители ее забирают и лечат пусть сами. Да и вообще, в больницу ей надо. Чего случится, а ты виновата потом будешь. Нет, нечего ей тут делать....

...Рифы, постепенно перерастающие в остров. Мощные стволы деревьев возвышаются у подножия гор, изумрудные листья шелестят на ветру, на них играют солнечные блики. Заросли папоротника. Многовековые камни, покрытые пушистым мхом. Причудливые цветы, словно подмигивающие желтыми глазками серединок. В низкой траве синие мелкие звездочки – пятилистные. Воздух пропитан нежным ароматом древесной смолы и цветочного нектара. Течение ветра выносит наверх, на вершину горы. Стопы босых ног слегка покалывают мелкие камешки. Отсюда остров кажется застывшим изумрудно-пестрым морем.

– Пойдем со мной, – предлагает чей-то мужской голос.

Это уже было когда-то.... Дана обернулась. Рядом стоял тот, кого она давно знала. Правильные черты лица, мелкие морщинки в уголках темно-серых глаз, светящихся добротой, темно-русые волосы, спускающиеся чуть ниже плеч, седые пряди на висках. Одежда на мужчине была из белой ткани: широкие брюки, рубашка до колен. Босой. Он слегка улыбался, от него веяло мудростью и спокойствием.

– Пойдем, – с улыбкой согласно ответила она.

И они не торопясь направились вниз по узкой тропинке, наслаждаясь окружающей природой и теплом утреннего весеннего солнца. Вскоре тропинка расширилась и перешла в широкую площадку. Здесь они остановились. В небе над лесом раскинулась широкая радуга.

– Где-то прошел дождь, – сказала Сиа.

– Наверное, над Белой Роцей.

– Я буду скучать.

– Скорее всего, нет.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он внимательно заглянул в её глаза.

– Может быть, с тобой все будет по-другому.

– Я не понимаю тебя. Что – по-другому?

– Есть вероятность, что ты потеряешь свои воспоминания об Эльхисе.

– Что? Я забуду обо всем, что мне так дорого, и даже тебя?

Он отвел взгляд в сторону.

– Я не должен был тебе об этом говорить.

– Но ты начал, Архо, значит, продолжай, – настойчиво потребовала Сиа.

Её собеседник смотрел в сторону радуги, которая постепенно бледнела на фоне неба.

– Человеческое тело уязвимо. Возможно, переход изменит тебя, и ты потеряешь свои воспоминания...

Они помолчали.

– Мне страшно, – вымолвила Сиа.

– Еще не поздно отказаться. Достаточно твоего раскаяния.

– Нет, – твердо сказала Сиа. – Я сделала все так, как считала нужным.

Она помолчала, раздумывая над последними событиями, и решительно добавила:

– Знаешь, Архо, иногда мне кажется, что даже наш мир не является идеальным.

– Что ж, значит, ты сама выбрала свой путь и винить в этом некого.

Они пошли дальше по тропе между скалами.

– Как ты думаешь, есть ли у меня возможность вернуться?

Архо шел впереди. После заданного вопроса он остановился, повернулся в сторону Сии и ответил:

– Знаешь, в любой системе каждый элемент имеет значение. Карточный домик – хрупкое строение. Чтобы он стоял прочно, надо, чтобы каждая карта занимала определенное место. Если пошевелить хотя бы одну карту, изменить ее положение, есть риск, что вся конструкция обрушится. Остается два выхода: либо постараться, чтобы каждая карта не шевелилась, либо осторожно исключить ее из системы, если это не ключевая карта. Вытащить карту гораздо легче, чем поставить ее обратно.

– Или есть еще третий выход, – с раздражением продолжила Сиа. – Разрушить всю эту хрупкую систему и построить новую, более прочную, а не ту, которая может разрушиться от простого дуновения ветра.

С этими словами она обошла Архо и, отойдя на несколько шагов вперед, присела на один из камней.

– Тебе сейчас трудно понять Истину. Ты еще не готова. – Голос Архо звучал тихо, медленно укладывая слова в памяти Сиа.

Неподалеку появилась тигрица с тигрятами. Она играла с ними на равнине, покрытой низкой травой. Архо положил руки на плечи Сиа.

– Я хочу, чтобы ты вспомнила все, чему я тебя научил. Это поможет тебе.

– Пойду, поиграю с ними, – сказала Сиа и спрыгнула с камня, направляясь к животным.

Тигрица довольно растянулась, положив морду на траву и прикрыв глаза. Лишь время от времени она лениво отталкивала толстой лапой разыгравшегося тигренка. Другой мальши, увидев Сиа, с любопытством подпрыгнул и подбежал к ней. Она почесала его за ухом, и он, довольный, повалился на спину, пытаясь при этом, играясь, куснуть ласкающую руку.

– Сиа! – окликнул девушку Архо. Он по-прежнему стоял наверху за камнем возле тропы. – Нам пора.

Она встала, оставив тигрят с матерью, однако один из них решил проводить её, ластясь и прижимаясь к ногам. Но тигрица приподняла голову и тихо рыкнула. Тигренок остановился, с любопытством смотря вслед девушке, а потом снова вернулся к матери.

– И еще, я должен тебе сказать, – продолжил Архо, когда Сиа подошла к камню. – Верь снам.

Он взял ее за руку, помогая взобраться наверх....

... И она выбралась в реальность, очнулась и села на постели. Ей понадобилось ещё несколько мгновений, чтобы понять, что сон уже закончился.

4. Живущие в темноте.

За окном начинало светать. Дана чувствовала себя гораздо лучше. Словно болезнь отступила вместе с уходящей ночью. Девушка приподнялась на постели и опустила ноги на пол. События минувшего сна ещё мелькали в её памяти. «Эльхис... Архо...». Холодные пальцы вдруг ощутили дуновение горячего воздуха. Дана взглянула на свои руки: их окутало лёгкое голубое сияние. Девушка замерла, заворожено наблюдая, как плавно растекается по коже прозрачное пламя, как постепенно оно угасает в сжатых кулаках. «О, тихие небеса, да кто же я теперь?». Она ещё раз прокрутила в голове обрывки сна, пытаясь понять, является ли он частью её памяти. Ничего не добившись, она откинула одеяло и встала.

Прохладный воздух приятно охладил кожу. Дана осторожно прошлась по комнате, посмотрела в окно. Ей вспомнился разговор хозяев квартиры, обрывки которого она слышала, когда на некоторое время приходила в себя. Она решила, что ей больше не стоит оставаться в этом месте.

На краю кровати лежали аккуратно сложенные джинсы и старенький свитер. Видимо, Тамара уже успела позаботиться и об одежде. Дана оглядела себя: на ней была белая в мелкий чёрный горошек ночная рубашка. Недолго думая, она переделалась. Плотная ткань сковывала движения, вязаный свитер с непривычки кололся, но пришлось смириться с новыми ощущениями. Одевшись, девушка обратила внимание на оставленную на табуретке еду, и уже через несколько мгновений все бутерброды с тарелки были съедены, а вода выпита залпом.

Дана подумала, что было бы лучше, прежде чем уйти, попрощаться с этими гостеприимными людьми, сказать им спасибо, но ей не хотелось их будить. И она решила, что отблагодарит их потом, когда-нибудь. Оглядев ещё раз комнату, Дана прислонилась к двери, прислушиваясь, действительно ли все спят, и, только убедившись в этом, осторожно, стараясь не шуметь, открыла дверь и вышла в коридор. Пройдя несколько шагов, она в оцепенении замерла: прямо перед ней на стене висело большое зеркало, и, хотя в комнате ещё не рассеялся полумрак раннего утра, она смогла внимательно рассмотреть своё отражение. Большие темные глаза. Русые, чуть ниже плеч, волосы. Худая, немного угловатая фигура. Она подошла ближе, провела рукой по щеке, по губам, шее, потрогала кончики волос, будто проверяя, настоящие ли они. Это было её тело. Значит, ей действительно по человеческим меркам где-то от семнадцати до двадцати лет. Только теперь она поняла всю серьезность своего "приговора". «Значит, сон – это правда. Но почему *они* это сделали? И что я сделала не так? Архо сказал, что обратной дороги нет...». Её накрыло волной отчаяния от осознания смысла происходящего, она отрицательно покачала головой: «Нет... Не-ет! ».

Неожиданно по коже пробежал озноб, повеяло холодом, как будто кто-то резко распахнул окно. Дана сосредоточено нахмурила брови и прислушалась. Где-то в глубине квартиры послышался шорох, а затем что-то глухо упало, звякнув осколками. Девушка вздрогнула и испуганно посмотрела в сторону комнаты, где находились хозяева – похоже, они крепко спали. И тогда она посмотрела в сторону кухни. Ни звука. Дана сделала несколько осторожных шагов. С бьющимся сердцем она вошла в комнату. На полу лежали осколки разбитой чашки, а на подоконнике закрытого окна, свесив одну ногу вниз, сидела девушка. Темные волосы, собранные в причудливую прическу, торчали в разные стороны, черные глаза и ярко-красная помада усиливали бледность лица; кожаный топ и обтягивающие короткие шорты добавляли ей взрослости, через которую все же проглядывалась фигура подростка.

– Кто ты? – осторожно спросила Дана.

– Пришла посмотреть на новенькую, – насмешливо ответила незнакомка. – Я Ирит.

– Уходи, тебе здесь не место.

Дана старалась говорить ровно, пытаясь скрыть дрожь в голосе. Присев на корточки, она принялась медленно собирать осколки. С появлением незнакомки пазлы в её памяти начали складываться в очередное воспоминание. Но вместе с этим ее наполнял страх.

– Какие мы недружелюбные! – Девчонка спрыгнула с подоконника. – А тебе *здесь*... место?

Она пнула последний осколок, к которому потянулась Дана. Кусочек фарфора неожиданно подлетел вверх, как магнит, потянув за собой остальные. В воздухе они вновь сложились в одно целое – и невредимая чашка плюхнулась в обтянутую черной кожей ладонь. Ирит поднесла чашку к лицу, рассматривая узор.

– Я вижу, тебя здорово наказали, – заметила Ирит. – Даже силы тебя лишили.

Дана медленно встала, чувствуя опасность. Эта незнакомка, казалось, всё про неё знала, может быть, даже больше, чем она сама.

– Что тебе от меня нужно? – спросила Дана.

– Ничего.

Неожиданно темные глаза Ирит оказались совсем рядом с лицом Даны, и она окончательно убедилась в том, что видит призрака.

– Меня просили предупредить тебя, – продолжила Ирит, – что здесь другие законы, и, раз уж ты оказалась на чужой территории, то должна будешь им подчиняться.

– Вы здесь имеете такие же ограниченные права, как и мы, – возразила Дана.

В ответ Ирит тихо засмеялась, обнажив маленькие белые клыки. Она снова вернулась к окну и удобно легла на подоконнике, подпирая голову рукой, словно приоткрывшись к долгим рассуждениям.

– Такие же права, как и мы-ы... Да вы сюда и шагу ступить не смеее. Где ты видела здесь своих? Уже давно известно, что люди с нами спелись, вот только некоторые из них все еще строят из себя добреньких. Одни любят себя и не скрывают этого, а другие любят себя, но предпочитают жить в иллюзии, что в их душах живет добро, дабы утихомирить угрызения совести.

– Ты зря теряешь время.

– Брось колебаться, – Ирит приподнялась на локтях. – Интересно, что же ты такого натворила, что тебя, такую беленькую, отправили в Перекрёсток? А?

– Похоже, ты здесь такая же новенькая, как и я, раз не знаешь таких мелочей.

– Я здесь появилась гораздо раньше тебя и довольна этим. Так за что тебя выгнали?

– Это не твое дело, – с вызовом бросила Дана. Этот вопрос хлыстом обжигал ей сердце.

– О, да ты злишься! Это уже лучше, – заулыбалась Ирит.

– Чего ты добиваешься?

– Хочу объяснить тебе: либо ты с нами – и у тебя будет всё, либо твоя жизнь станет хуже ада.

– Ты ведь знаешь, что не мне говорить о законах Перекрестка, я отлично знаю плату за вашу "прекрасную" жизнь.

На мгновение насмешливый огонек в глазах Ирит погас. На бледной коже замелькали багровые всполохи огня. Дана с большей силой ощутила опасность. В одно мгновение, пытаясь уклониться от светового удара, она инстинктивно ринулась в сторону, сквозь стену, но больно стукнулась плечом о твердую поверхность и, тихо застонав, медленно сползла вниз. Багровый огненный шар пролетел мимо и, повиснув в воздухе, растворился. Послышался сдавленный смех Ирит.

– Вредная привычка, – посмеялась она над реакцией Даны.

Ну конечно, она ведь теперь не может так просто проходить сквозь стены, она теперь самый обычный человек.

Дана приподнялась, потирая ушибленное плечо. Ее кожа на несколько секунд засветилась бледно-голубым светом и погасла. Ирит, заметив это, притихла. В ее глазах появились страх, удивление и злость одновременно.

– Уходи, – тихо предупредила Дана.

– Ладно, подожду, пока ты окончательно ослабнешь, – заявила Ирит. – А ведь ждать осталось совсем недолго!

– Уходи!

Чашка, стоявшая на столе, полетела в окно, но рука в перчатке ловко поймала ее до того, как та успела разбиться об стекло.

– Ты злишься. Это хорошо. – Довольно улыбаясь и насмешливо глядя на Дану, Ирит нарочно выпустила пойманную чашку из рук, и та обречённо разлетелась по полу на осколки.

После этого гостя молча повернулась в сторону и, пройдя сквозь окно, исчезла.

Дана облегчённо вздохнула. Пора уходить. Она с грустью взглянула на осколки и торопливо направилась в прихожую. На пороге Дана остановилась и уставилась на свои босые ноги. Она осмотрелась и накинула первые попавшиеся тапочки. Затем открыла дверь и оказалась в полутёмном коридоре. Слева – лифт, справа – приоткрытая дверь. Дана направилась к ней. Это оказался выход на лестничную площадку. Девушка медленно зашагала по ступеням вниз...

Тамара стояла у стены спальни в ночной рубашке, прикрыв рот рукой, боясь пошевелиться. И только когда всё стихло, и захлопнулась входная дверь, она успокоилась и, покосившись на громко сопящего мужа, трижды перекрестилась...

5. Потерянный путь.

Хмурое весеннее утро. Небольшие тучки время от времени закрывали лучи солнца, от чего сразу становилось темнее и всё вокруг приобретало блёклые краски. Слабый ветерок доносил запах едва распустившейся молодой листвы.

Дана неуверенно остановилась в дверях подъезда. Она с трудом узнавала улицу, по которой пришла к этому дому ночью. Днём здесь все выглядело иначе. Дана увидела внутренний двор, покрытый мелкой зеленью травы. Под аккуратно подстриженными деревьями разбросаны разноцветные скамейки. Было раннее утро, и во дворе пока никого не было, только дворник подметал тротуар, да чей-то кот прогуливался у подъезда.

Дана решила начать день с обычной прогулки. Она пока не могла объяснить причину своего перемещения в этот мир, в этот город, и какая-то смутная тревога, смешанная с тоской, навязчиво скреблась в её душе. Было слишком много вопросов, остававшихся без ответа. Сны пробудили в ней воспоминания. Раньше у нее была совсем другая жизнь, а теперь ее исключили из привычного мира и забросили в иной – чужой. Она и раньше не раз была здесь, среди людей, но сейчас она и понятия не имела, что делать с человеческой жизнью. Появление Ирит еще больше ухудшило положение. Дана не предполагала, что столкнется с теми, с кем боролась раньше. Одно было понятно – надо беречь тело, это хрупкое человеческое тело.

Девушка еще раз огляделась вокруг, словно пытаясь убедиться в реальности происходящего. Но ничего не менялось: серые многоэтажные дома по-прежнему уныло смотрели на нее. Ощущения были непривычными, Дана хотелось улететь отсюда. Из-за высоты многоэтажек она чувствовала себя ничтожной. Город угнетал...

Девушка понимала, что ее забросили в Перекресток в качестве наказания. Она не раз переступала Священные законы, но все это казалось ей лишь незначительными ошибками. Ссылка в Перекресток – самое суровое наказание.

Перекресток – это пространство, где пересекаются грани других миров. Здесь светлое и темное, здесь живые, и мертвые, и зависшие в межпространстве души, но больше всего места занимает человеческая жизнь. Людям здесь находиться легче, потому что они не способны видеть «других», обитающих в этом же пространстве. Люди живут сами по себе. Гораздо труднее зависшим душам или «потерянным», которые видят все грани Перекрестка.

Дана шла по тротуару, народу на улице прибавилось – теперь многие торопились по своим делам. Город просыпался. Люди.... Непривычно было осознавать себя частью этого мира, и страшно было думать о том, что придется стать такой же, как они...

– И что может быть важного в этой жизни?

– Для людей есть три главных вещи: Судьба, Выбор и Время. Судьба ставит перед человеком Выбор, а человек должен выбрать одно или другое. Но люди бывают разные. Одни просто живут и идут своим путем, никуда не сворачивая, они живут по Судьбе, как им предначертано. Внешне кажется, что их все устраивает, но внутри они сами себя угнетают. Другие чего-то ищут, к чему-то стремятся, они жаждут развития. Когда перед ними ставят Выбор, они обязательно принимают решение и куда-нибудь сворачивают. В этом случае человек сам строит свою Судьбу. Это рискованно, ведь невозможно точно узнать, правильным ли окажется Выбор. Для этого надо уметь предвидеть ситуацию, логически проследить ход событий или доверять своей интуиции. И все это ради определенных целей. Вопрос в

том, заметит ли человек перед собой Выбор. Как ему увидеть другие пути? Именно для этого и нужны мы...

За спиной слышались торопливые шаги.

– Дашка!

Дана оглянулась. В ее сторону бежала девочка лет двенадцати. За спиной у нее болтался рюкзак, звеня металлическими брелоками.

– Даш, подожди! – девочка, пыхтя, пробежала мимо Даны и подбежала к другой девочке. Подружки взяли за руки и пошли дальше.

Даша... Это имя чернильной кляксой легло на душу. Возникло какое-то неприятное чувство. Дана поняла, что это имя ей знакомо и как-то с ней связано. Но попытки что-то вспомнить лишь усилили неприятные ощущения, будто что-то настойчиво сопротивлялось этому. И только сбавив усилия, стало легче и странное чувство исчезло.

6. Основной инстинкт.

Наверное, Дана еще долго бродила бы по городу, если бы во второй половине дня она не ощутила вдруг жуткий голод. Надо было раздобыть что-то съедобное. И это оказалось первой серьёзной проблемой в этом мире, ведь все здесь приобреталось за деньги, которых у Даны, конечно, не было. Ноги невольно принесли ее к продуктовым киоскам. Девушка осмотрела стеклянные витрины глазами голодного щенка и побрела дальше. Дорога привела её к станции метро, где рядом под крышей раскинулся небольшой продуктовый рынок. Аромат манил, одурманивал и вызывал в желудке голодные спазмы. Аппетитными рядами раскинулись фрукты, колбасы, сыры... С витрин и вывесок, словно издеваясь, подмигивали разноцветными лампочками хот-доги и сэндвичи. От большого количества народа вокруг было трудно дышать, кружилась голова.

Покидая рынок, Дана почувствовала рядом аромат свежих яблок. Они лежали на деревянных лотках, притягивая взгляд своими жёлто-красными боками. Рука, казалось, потянулась сама собой...

Вдруг кто-то настойчиво сжал ее запястье, в тот момент, когда она попыталась спрятать яблоко под свитер. Она обернулась.

– Здравствуйте! Сержант Орлов, – незнакомец в форме вяло приподнял руку в приветствии. – Яблоки желаете приобрести?

Дана не смогла ответить и только неуверенно кивнула головой, укладывая яблоко на место. Сержант испытующе посмотрел на нее.

Голод заметно отступил, и теперь мысли бешено спорили между собой. С одной стороны, Дана понимала, что ее сопротивление лишь все ухудшит, а с другой – она вспомнила свой неудачный допрос и удачный побег. Теперь люди в погонах не вызывали у нее доверия. Решение напрашивалось само по себе, оно дало о себе знать с самого начала и теперь стало единственно верным.

Дана сосредоточилась, ощутила возрастающее напряжение за спиной, и вдруг, схватив яблоко, резко рванула в сторону. Она побежала изо всех сил, сломя голову, случайно переворачивая неудачно попадавшиеся на пути лотки с продуктами. Пронзительно заверещал свисток. Дана прибавила скорость, вдогонку ей неслась возмущённая брань продавцов. На секунду девушка остановилась, делая выбор между зданием рынка, подземным переходом и метро. Недолго думая, она помчалась в сторону метро.

– Стой! Сто-ой! – донеслись выкрики милиционера. На бегу он вытащил рацию, что-то по ней сообщая.

“Что я делаю?!” – кричало разгоряченное сознание, но ноги с удивительной скоростью несли вперед.

Дана промчалась вниз по ступенькам, чуть не слетев с последних, прошла через стеклянные двери и обнаружила, что там ее ожидает второй сотрудник полиции. Но она как-то быстро и ловко увильнула от его широко расставленных рук, не задумываясь, перепрыгнула через турникет и, не останавливаясь, побежала по движущемуся эскалатору. Спустившись, Дана влетела в первый попавшийся вагон, едва успев проскочить в закрывающиеся двери...

Была вторая половина дня, и вагоны метро уже наполнились людьми. Чтобы не привлекать внимания, Дана отошла в самый конец вагона и забилась в угол сиденья. Она никак не могла отдышаться, сердце взволнованно колотилось, ей все не верилось, что она смогла убе-

жать. Город явно не встречал с раскрытыми объятьями. Он будто лениво пытался избавиться от нового элемента, все еще сомневаясь, принимать его или нет.

Вскоре любопытные пассажиры перестали рассматривать беглянку, не обнаружив в ее внешности ничего подозрительного и каждый, потеряв интерес, снова уткнулся в книгу, газету, мобильник или продолжил дремать.

Когда поезд разогнался, Дане показалось, что кто-то запустил громадную грохочущую машину, которая вот-вот взорвется – так шумно было в метро. Она не привыкла к такому рёву и первое время сидела, заткнув уши. Но потом ритмичные звуки поезда постепенно укачали ее, и она уснула.

Он увидел свое отражение в зеркале и заметил, как оно изменилось: осунувшееся бледное лицо, синеватые круги, покрасневшие глаза. Он будто постарел, несмотря на то, что ему было всего двадцать лет. Мысли в его сознании перетекали горячей тягучей смолой. Впервые он смутно осознал, что дорога, по которой он идет, ведет в никуда, в пустоту, где в темноте, с улыбкой, ждала его медленная смерть. И он подумал, что уж лучше самому с этим разделаться. Не отходя от зеркала, он открыл шкафчик на стене и достал отцовское лезвие для бритья. Лениво примерил его к шее, как лучше это сделать... Вдруг в застоявшейся тишине раздался громкий двойной сигнал. Он вздрогнул. Из мелкой царапины каплей вытекла кровь. «Черт!...». Он вздохнул и потянулся к телефону, чтобы прочитать смс: «Срочно приезжай в студию. Есть новости. И тексты новых песен прихвати. Дым». Лезвие разочарованно полетело в раковину. Он еще раз хмуро посмотрел на себя в зеркало, смыл холодной водой кровь с царапины на шее и вышел. А по зеркалу медленно поползли трещины и вскоре на пол посыпались мелкие осколки...

7. Крейзи.

Дана проснулась от лёгкого толчка в плечо. Ей ещё несколько секунд казалось, что она слышит звон разбивающегося зеркала. Поезд стоял на конечной станции. Народу стало больше, и теперь все выходили из вагона. Она встала и в числе последних пассажиров тоже вышла, убедившись, что её никто не поджидает на выходе.

На улице было уже темно. Дана не ощущала опасности, значит, сейчас её никто не преследует.

Заметно похолодало, и теплый свитер уже не казался таким теплым. Пустой желудок снова свело голодными спазмами, давая о себе знать, и Дана достала добытое яблоко. Мышцы рук и ног побаливали из-за неожиданной дневной пробежки.

Девушка огляделась: похоже, она оказалась на окраине города – здесь улицы уже не освещались так ярко, и широкой трассы рядом не было. Вокруг возвышались здания не выше пяти этажей, рядом с метро – пара киосков, которые уже были закрыты железными ставнями. Съев яблоко, Дана побрела по улице, обхватив себя озябшими руками за плечи.

Через некоторое время тротуар свернул направо, в темный закоулок между домами, в сторону какого-то завода, который был похож на огромный металлический пароход с дымящимися трубами. Девушка повернула обратно, чтобы идти по светлой стороне улицы, но тут что-то в темноте привлекло её внимание, какое-то движение возле мусорного бака. Это видимо был кто-то из бродяг, или так называемых бомжей. Рассмотреть это существо было невозможно, поскольку оно представляло собой нечто бесформенное, и единственное, что на нём выделялось, – длинное, местами разорванное, пальто и светлые включенные волосы. Существо долго копалось в бумажных коробках и пакетах, а потом, довольно хмыкнув, направилось вглубь переулка.

Дана немного подождала, а потом неуверенно направилась в сторону мусорного бака, надеясь найти там что-нибудь съедобное. Но среди разбросанной кучи мусора ничего такого не было, и Дана не понимала, что здесь пытался найти тот странный человек. Неприятный запах наоборот – напрочь отбивал голод. Она разочарованно пнула валявшийся пакет с мусором. Немного подумав, она подняла этот пакет, чтобы закинуть его в мусорный бак.

– Эй, а ты не борзеешь, деточка?

Сиплый голос послышался за спиной так неожиданно, что Дана вздрогнула, выронив пакет. Когда она обернулась, то увидела перед собой то самое существо. Оно оказалось женщиной пожилого возраста. Её седые волосы торчали в разные стороны. Фигуру скрывало старое потрёпанное пальто, на руках – перчатки, открывающие грязные пальцы, на ногах – тёмные кроссовки.

– Что, никак въехать не можешь? Дай сюда! – женщина-бомж выдернула из рук Даны пакет с мусором. – Эта наша территория! Пошла отсюда!

И она слегка толкнула Дану в бок.

– Иди, иди!

Странная женщина продолжила копаться на «своей территории», недовольно мыча. А девушка между тем отошла на противоположную сторону улицы, прижалась к стене дома и продолжила наблюдать. Глядя на эту женщину, она вдруг начала «считывать» подробности её жизни...

Кандидат математических наук. Психическое расстройство. Увольнение. Единственный сын. Возвращение домой. Одиночество....

Через некоторое время женщина-бомж тревожно взглянула в сторону завода. Она начала поспешно собираться, сгребая отложенное "добро", но у неё вываливался из рук то один пакет, то другой. После нескольких неудачных попыток забрать всё сразу, взгляд женщины случайно зацепился за Дану.

– Ты ещё здесь?! А ну иди сюда! – бросила она ей.

Дана осталась стоять на месте.

– Ну иди сюда, глухая что ли? – нетерпеливо повторила она.

Когда Дана подошла поближе, женщина, ничего не объясняя, всучила ей в руки пару пакетов, а сама подобрала оставшиеся на земле.

– Новенькая что ли? – спросила она между делом.

Девушка кивнула.

– Оно и видно. Пошли быстрее! – приказала незнакомка, подтолкнув Дану локтем в спину.

Они поспешно направились вглубь тёмного переулка и, только раз оглянувшись, Дана поняла причину беспокойства и неожиданную перемену своей новой знакомой.

Их было трое. В темноте трудно рассмотреть лица преследователей, но, судя по силуэтам, это были подростки. Они упорно шли следом, не отставая, как три мрачные тени. Дане стало не по себе, но её спутница, хоть и была напугана, вела себя уверенно и шла вперед твёрдым шагом. Видимо, она уже не раз встречалась с этими людьми. Преследователи становились всё ближе, и женщина с Даной ускорили шаг. Наконец, незнакомка свернула за угол и нырнула в одно из заброшенных зданий.

– Запонка! Запонка! – начала кричать она, как только оказалась внутри.

Навстречу выбежала маленькая шустрая собачонка, с короткими мохнатыми ушками. Следом за ней вышел мальчик лет десяти в длинных, по-рэперски широких штанах и в старых кроссовках. На нем была длинная куртка, которая была ему явно велика. Мальчик с любопытством оценивающе оглядел Дану, изобразив на лице кривую ухмылку. Но в следующее мгновение его внимание с беспокойством переключилось на людей, которые стояли на улице.

– Чего они опять приперлись? – спросил он хозяйку собачки, осторожно выглядывая в окно.

Женщина побросала в кучу принесённые пакеты, и Запонка ловко запрыгнула к ней на руки, облизывая ей нос и щеки.

– Пойдём, пойдём, моя милая, – прошептала женщина и встала с собачкой в дверях на выходе. К зданию приближались преследовавшие подростки. Все трое были вроде самыми обычными ребятами, но что-то в них было неправильно, будто кто-то добавил к их сероватым портретам резкие мазки.

Они все были разными. Первый, самый низкий, напоминал переросшего младенца то ли из-за невероятно большой одежды на нём, то ли из-за наголо подстриженной головы. Второй поражал своим озлобленным, как у дикого волчонка, взглядом исподлобья. Даже его темные волосы на голове были как лоснящаяся жёсткая шерсть. Третий, самый высокий, бросался в глаза рыжим цветом, который был везде: в волосах, на лице, покрытом веснушками, казалось, что и кожа подростка оттенка порыжевшей осенней травы. Сутулая спина и острые скулы делали вид этого подростка угрюмым и колючим. Но всех троих объединяла неоправданная агрессия, вызов во взгляде и полная уверенность в своем превосходстве.

– Пошли вон отсюда! – крикнула им женщина. Она пыталась не выдать своего страха, но Дана заметила, что у неё дрожат руки.

– Не слишком ли ты тут прижилась, Старушка Крейзи? – сказал рыжий, по-видимому, старший в троице. Незваные гости замерли на расстоянии в напряженных позах.

– Чего вам надо? – выступил вперёд мальчик «рэпер».

Рыжий подросток сделал к нему уверенный шаг:

– Сам знаешь чего! Гони долю или худо будет!

– Мы вам ничего не должны! – продолжала защищаться Крейзи.

– Ну, это мы ещё посмотрим!

И все трое молча двинулись вперёд. Крейзи опустила свою собачку на землю.

– Давай, Запонка, покажи им, на что ты способна.

Собачка, не смотря на свой маленький рост, смело бросилась вперёд и начала лаять на врагов, рыча и оголяя свои мелкие хищные зубки. Троица остановилась, опасаясь, как бы собачонка не цапнула за ногу. И, тем не менее, они продолжали бросать реплики.

– Ты бы ещё тараканом пригрозила, – хмыкнул рыжий. Двое его товарищей хихикнули.

– А где же твой Троянский конь? – с издёвкой спросил лысый.

Один из подростков, тот, что был похож на волчонка, бросил в сторону не унимающейся собаки камень.

– Да заткнись ты!

Но Запонка успела отскочить и ещё больше разозлилась. Она присела на задние лапы, вздыбив шерстку. Собака уже не лаяла, а грозно рычала, скаля зубы и предупреждая, что готова в любой момент прыгнуть и впиться в кого-то из недоброжелателей. Подростки трусливо попятнулись от Запонки.

– Ну, смотри, Крейзи, когда-нибудь мы доберёмся до твоей мелкой шавки и до тебя, – пригрозил главный из шайки.

Троица неохотно отправилась назад, а Запонка, как бы утверждая свою доказанную победу, попыталась вцепиться в ногу одного из подростков. В ответ троица нервно засмеялась, но всё же ускорила шаг. Крейзи весело захохотала им вслед, и Дана невольно улыбнулась вместе с ней, когда их преследователи удалились.

– Приходите, приходите ещё! – не унималась хозяйка. – Моя крошка будет вам рада!

Тем временем Запонка, гордая, вернулась к хозяйке, послушно забравшись к ней на руки.

– Молодец, моя девочка, молодец! – приговаривала Крейзи, глядя спасительницу.

– Ну, ты даёшь, Запка! – похвалил в свою очередь мальчик в рэперских штанах.

И только Дана стояла в стороне, неуверенно улыбаясь, чувствуя себя лишней.

– А это кто, Крейзи? – спросил мальчик, кивая в сторону девушки. – Зачем ты её привела? Мы же договаривались...

Женщина, уходя куда-то вглубь здания вместе со своим добром, сопровождаемая бегущей следом за ней Запонкой, небрежно ответила:

– Да не знаю, Тоник. Прилепилась вот, как жвачка к ботинку. Но она мне здорово помогла.

Дана удивленно посмотрела вслед женщине.

– Новенькая что ли? – спросил Тоник.

Дана кивнула, не совсем понимая смысл слова «новенькая». Мальчик вырвал у неё из рук пакеты, вручённые Крейзи, и окинул её недоверчивым взглядом. – Ладно, пусть остаётся, – вслух решил он, как будто был здесь главным.

Он прошёл вперёд и, обернувшись, крикнул Дана:

– Ну, что встала? Пошли!

8. Первый закон Перекрестка.

Костер тихо потрескивал и согревал озябшие руки Даны, долгожданное тепло постепенно разливалось по всему телу. По обеим сторонам костра были вбиты два рогача. Между ними натянута толстая проволока, на которой над пламенем висел небольшой котелок. В нём побулькивало какое-то варево, и Крейзи крошила туда те самые обрезки, которые совсем недавно лежали в куче мусора. Запах от этого был не аппетитный, но все же это был запах пищи, и Дана снова ощутила голод. Тоник сидел боком к очагу и выстрагивал ножиком подобие рогатки. Здание, в котором они находились, по-видимому, раньше было каким-то офисом. Но теперь здесь были выбитые окна, ободранные стены. Потрескавшийся бетонный пол сохранил остатки пыльного линолеума. Серый потолок тоскливо нависал над всей этой обстановкой.

Здание состояло из двух этажей, но люди улицы облюбовали только первый. На втором этаже через разбитые стекла сквозил ветер – там было слишком холодно. На первом окон было меньше, да и безопаснее находиться ближе к выходу. Крейзи и Тоник, поселились в одной из комнат без окон, где в потолке было всего две щели, сквозь которые проглядывался второй этаж, но дождь сюда не попадал. Пол был застелен разорванными картонными коробками, в углах в кучке лежали одеяла и ещё какое-то тряпьё. Очаг находился на другой стороне, огороженной кирпичами.

Чтобы хоть как-то отвлечься от постоянных мыслей о еде, Дана решила начать разговор. – А почему вас зовут Крейзи? – спросила она женщину. – Это ваше настоящее имя? Та подняла на неё удивленные глаза. – Ух-ты, на "вы" обращаешься! Очень большая честь для меня! – Э-э, почему тебя так зовут? – исправилась Дана. – Да не понимают они ничего! Ничего не понимают. Прилепилось это прозвище ко мне, как жвачка к ботинку, – ответила она, и дальше её речь сменилась невнятным бормотаньем, и слов было не разобрать.

Дана удивленно смотрела на нее.

– С ней такое бывает, – объяснил мальчик. – Она малость того на голову, потому и Крейзи. А меня Тоником зовут, от имени Антон. Это Крейзи придумала, решила мне таким образом отомстить.

Он внимательно посмотрел на девушку.

– Тебе тоже надо придумать прозвище.

– Что придумать? – не поняла Дана.

– Да. Тебе тоже надо придумать имя, – очнулась Крейзи.

– Но у меня уже есть имя – Дана.

– Дана? Нет, это не пойдет, – скривился Тоник.

– Да, не пойдет, не пойдет, – согласилась Крейзи, помешивая свое варево.

– Так, надо подумать, – мальчик поднял голову вверх. – Дана, Ана, Анад...

– Ангел! – неожиданно выпалила женщина.

Дана побледнела.

– Почему – Ангел? – еле слышно спросила она.

– Ну, ты вся такая чистенькая, беленькая, – начала объяснять Крейзи.

– Ангел? Слишком красивое прозвище, – попытался возразить Тоник.

– Не нравится, тогда сам придумывай!

Тоник сосредоточенно нахмурил брови, поджал губы, раздумывая, и через несколько секунд сдался:

– Ладно, пусть будет Ангел...

– Потерявшийся Ангел, запутавшийся, – снова перешла на бормотание Крейзи.

– Ты ей понравилась, – объяснил Тоник.

Дана ничего не ответила, хотя понимала, что ей надо было рассказать, как на самом деле она здесь оказалась. И она бы рассказала, если бы знала, с чего начать, но в ее памяти по-прежнему было слишком много пробелов.

Долгожданный суп наконец-то был готов. Котелок аккуратно сняли и поставили на кирпичи. Рядом стояли четыре пустые консервные банки, заменяющие тарелки. Крейзи щедро зачерпывала ими свою «кашу» и раздавала по кругу. Чтобы удержать горячую «посуду» в руках, пришлось подложить кусочки картона. Пока Дана и Тоник подозрительно нюхали и разглядывали угощение, женщина уже успела подставить полную тарелку своей собачке.

– Кушай, кушай, Запонка, – щебетала она. – Ты сегодня заслужила хороший ужин. Горячее, горячее, сейчас остынет, подожди.

Она обернулась к Дане.

– Вообще-то у нас была своя посуда, самая настоящая посуда: ложки, тарелки... Но Стрижи все утащили, пока нас не было дома.

– Стрижи?

– Это те трое, от которых вы сегодня убегали, – пояснил Тоник.

– А почему они это делают? – спросила Дана.

– Они уже давно мешают нам жить, – начала Крейзи. – С тех пор, как поселились на территории завода.

Она замолчала, а Тоник продолжил:

– Сначала они нам не мешали, у них своя территория, у нас – своя. Но потом им показалось мало. Зачем искать еду, когда можно её отобрать у кого-нибудь другого.

– Хорошо, что у нас появилась Запонка, – довольно закончила Крейзи. – Теперь она наша защитница.

Хоть Крейзи и очень старалась, но варево её оказалось безвкусным. Сделав два глотка, Дана подумала, что, может быть, не так уж и голодна. Они с Тоником переглянулись.

– Извини, Крейзи, но ты никогда не умела готовить, – сказал мальчик и отодвинул свою банку.

– Ничего вы не понимаете! – мягко возмутилась та. – Это самая полезная вещь!

– Зато вам с Запонкой больше достанется, – попытался успокоить ее Тоник.

Через некоторое время, когда костер не был уже таким сильным, он приподнялся и, покопавшись в своем углу, извлёк откуда-то несколько картофелин. Он разгреб золу и бросил их туда одну за другой. Несколько алых искр вырвалось на свободу.

Печеная картошка оказалась сладкой на вкус, с хрустящей, обуглившейся корочкой. Этот вкус разительно отличался от стряпни Крейзи. Конечно, Дана не наелась парой картофелин, но это успокоило её голод. Ей было хорошо... Странно, но только теперь она почувствовала себя в полной безопасности, в этом Богом забытом месте, с совершенно незнакомыми людьми. Ее удивляло, что они не задавали никаких вопросов: кто она такая, откуда, как попала в этот район. Они даже, наверное, не считали ее своей гостьей, а просто принимали ее присутствие как должное. Это больше всего успокаивало Дану, хотя у нее самой было много вопросов, на которые она хотела бы получить ответ: что эти странные люди делают на улице? У них нет дома? Или есть? Но она уже знала, что подобные вопросы здесь не прозвучат, никто на них

не ответит. Таковы законы этого маленького мира, где каждый понимал, что вынудить жить на улице могут только особые обстоятельства, о которых не хочется говорить...

Луна скупо осветила приют бродяг. Костер потушили. Крейзи улеглась вместе с Запонкой в дальнем углу. Тоник расположился рядом с ней, укутавшись в свой теплый тулуп. Дану разместили в соседнем углу, постелив картонные коробки вместо постели. Она улеглась на них, подогнув колени и укутавшись в одеяло, которое притащил Тоник. Оно, как и все в этом месте, пахло дымом.

День был тяжелым. Дана казалось, что с того момента, как она проснулась сегодня утром, прошла целая вечность. И девушка, утомленная событиями дня, быстро уснула...

Ей приснилось море. Снова эта голубая прозрачная бездна, блики солнца на подводных камнях, танцующие в ритм волнам морские водоросли, шустрые красноперые рыбки, снующие между кораллами...

Дана проснулась от того, что Крейзи с кем-то очень громко разговаривала, а точнее спорила и ругалась. Дана испуганно вскочила.

– Крейзи, кончай базарить! Уже все проснулись! – услышала она возмущенный голос Тоника, а потом поймала его извиняющийся взгляд.

– Испугалась? – прошептал ей Тоник. – Я же говорил, что она немного, – он покосился на женщину и покрутил пальцем у виска, – в общем, она говорит, что к ней приходит призрак по кличке Троянский конь и достает ее своим шумом.

Дана посмотрела в сторону дверей: там, словно сотканный из серого тумана, стоял конь. Этот фантом был каким-то образом связан с Крейзи. Сама Крейзи успокоилась только тогда, когда конь, цокая копытами, ушел.

– Кого ты там увидела? Стрижей? – забеспокоился Антон, заметив, что Дана пристально смотрит в сторону дверей.

– Нет, коня, – ответила Дана.

– Кого? – не понял Тоник.

– Я смотрела на коня...

Секунду Антон молчал, а потом тихо засмеялся.

– А ты прикольная, – сказал он и снова повернулся на бок.

Дана почувствовала себя глупо, но поняла, что фантомы может видеть не каждый.

Уже рано утром в убежище Крейзи и Тоника началась суета. Они активно собирались куда-то, и собачка тоже нетерпеливо бегала между ними.

– Мы отчаливаем за припасами. Ты с нами? – спросил Антон.

– У вас есть деньги? – удивилась Дана.

Антон и Крейзи молча переглянулись и оба прыснули от смеха. Сначала Дана ничего не могла понять, а потом до нее дошло: она ведь была среди людей улицы, они говорили о воровстве. Ей стало неприятно. Почему-то возникло ощущение, что она вляпалась в большую лужу грязи и чем больше она пыталась из нее выбраться, тем сильнее увязала в ней. С тех пор, как она оказалась среди людей, ее преследовали одни неприятности, а их последствия пугали.

– Я не пойду на воровство, – решительно сказала она.

Улыбки тут же исчезли. Бродяги снова переглянулись.

– Она ведь новенькая, – как бы в оправдание объяснила Крейзи, глядя на Тоника, вид которого говорил "ну и кого ты привела?". Мальчик повернулся к Дана и сказал:

– Ты, наверное, незнакома с нашими правилами. Я объясню. Здесь каждый вносит свою долю.

– Да-а, – протянула Крейзи.

– Мы можем дать тебе еду и ночлег, а что ты можешь дать нам?

Тоник выжидающе посмотрел на Дану. Крейзи сделала вид, что ей все равно и увлеченно гладила Запонку.

– Но также нельзя! – возразила Дана. – Есть много других способов выжить.

– А ты попробуй, раз такая умная, – резко ответил Тоник. – Встречаемся здесь вечером. Посмотрим, как ты справишься! – На лице мальчишки возникла усмешка. – Но учти, если ничего не получится, тебе придется уйти.

Он развернулся и вышел на улицу. Крейзи постояла немного рядом с Даной, глядя собачонку и бросая исподлобья робкие взгляды. Было видно, что она хотела что-то сказать, но потом молча вышла следом за Антоном.

Дана осталась одна. Ей ничего не оставалось, как начать доказывать самой себе свои же слова. Она вышла на улицы города, поеживаясь от утренней прохлады. "Но неужели нет другого выхода?". Она бы так не думала, если бы могла помнить свое прошлое. Много пришлось увидеть со стороны, без права вмешательства. Но она сама понимала, что "перемещение" почти всегда вычеркивает память прошлого, ей еще повезло, что она хотя бы частично смогла восстановить воспоминания.

"Так, надо рассуждать по порядку. Есть люди бедные, а есть люди богатые. Если бедным нужны деньги, где они могут их взять? У богатых. Воровать нельзя, значит, надо попросить. Что для этого надо? Шляпа, наверное, и... жалкий вид. Похоже на вымогательство. Как же понять, что правильно?"

Дана дошла до мусорного бака, того места, где она познакомилась с Крейзи, и оглянулась назад, запоминая дорогу. Там же она подобрала целлофановый пакет (чтобы деньги складывать). "Ты бы еще мешок взяла", – как будто в насмешку пришла очередная мысль. Дана решила пойти к ближайшей станции метро, где больше людей, вчера вечером она видела там попрошаек в переходе. Свернув в нужный проулок, она вскоре вышла на площадь и спустилась в подземный переход.

Вид у нее действительно был жалкий, однако не прошло и пяти минут, как Дана пришлось отказаться от своей затеи. Одна старушка не выдержала и просто не смогла не пройти, чтобы не сказать упрекающие слова. Она остановилась прямо перед девушкой.

– Нет, ну ты смотри, – сокрушаясь, начала она. – Совсем молодежь обнаглела! – выпалила обвинительница, тыча в девушку пальцем, и Дана тут же стало стыдно.

А старушка между тем продолжила:

– Я, пенсионерка, и то деньги зарабатываю, а они по переходам... Ни стыда, ни совести!

Дана поспешно начала собирать свое "добро", когда осерчавшая старушка удалилась. И тут рядом с ней остановился молодой человек, видимо, успевший стать свидетелем недавней сцены.

– Студентка, что ли? – спросил он, усмехнувшись, и, не дожидаясь ответа, сунул ей полтинник. Легкий ток пробежал по тонкой руке девушки. Что-то знакомое и близкое было в лице незнакомца, но это было лишь сходство. Робкое "спасибо" слетело с губ Даны...

...Жгучая пощечина заставила её замолчать. Придерживая щеку рукой, она медленно повернула к нему голову. В ее темных глазах теперь полыхала ненависть.

– Оксана, прости ... Я не хотел...

Она не стала слушать его и, резко схватив свою сумку, направилась к двери. Он удержал ее за локоть.

– Оксан...

Но она вырвалась из его рук.

– Не смей меня трогать, Игорь! Не смей!

Он выбежал на лестницу вслед за ней. Было слышно, как ее каблуки торопливо стучат по ступеням.

– Это ты во всем виновата, поняла! Ты меня достала! – со злостью бросил он ей вслед.

– Да пошел ты! – донесся в ответ голос Оксаны.

Дверь с грохотом захлопнулась. Никогда в жизни он не бил девушек...

Пустота внутри снова вернулась. Приняв очередную дозу, он встал на подоконник раскрытого окна.... Зазвонил телефон. Он попытался сосредоточиться на своей бессмысленной жизни, на последнем шаге, на смерти. А телефон все звонил и звонил, настойчиво, раздраженно позвякивая. Он не выдержал и слез вниз, чтобы пройти в комнату и снять эту мешающую ему трубку. Оказалось, что кто-то упорно искал какую-то Лену. "Никакой Лены здесь нет", – буркнул он и бросил трубку. Желание умирать пропало, просто не хотелось повторять все сначала, ему почему-то казалось, что наверняка в этот раз помешает что-то еще. В итоге он добрался до спальни и устал повалился на кровать, упершись взглядом в потолок...

– Ну что встала? – проворчал кто-то из прохожих, толкнув Дану. Она огляделась по стоконам, проглатывая очередное всплывшее воспоминание, и, спрятав полученные деньги в карман, решила поскорее уйти с этого места.

К сожалению, больше Дана так и не смогла ничего придумать. Все было бы намного проще, если бы она находилась в сельской местности, но в городе не было плодовых деревьев, лесных ягод, съедобных корешков, чистой родниковой воды. От этих мыслей появилась тоска, тягучая, как капля темной смолы.

Весь оставшийся день Дана бесцельно бродила по городу, даже не пытаясь попрошайничать или искать еду, понимая, что у нее нет опыта в таких делах. Оставалось надеяться, что новые друзья не прогонят ее. На, полученные от прохожего, деньги Дана решила купить буханку хлеба. Сдача приятно позвякивала в кармане. Постепенно улицы наполнились вечерними сумерками. Казалось бы, надо радоваться, что на самом деле день прошел очень даже удачно, но почему-то одолевало странное предчувствие, тревога.

До убежища оставалось совсем немного, когда в воздухе появился слабый запах дыма. "Наверное, уже готовят ужин", – подумала Дана. Однако чувство голода заметно улетучилось, когда вдалеке она увидела отсветы пламени, мелькающие в окнах убежища.

Дым стал густым, он вываливался из окон и щелей тяжелыми клубами и расплзался по земле, медленно поднимаясь вверх. Тони и Крейзи тщетно пытались защитить свой дом от атакующего пламени, размахивая тряпками и одеялом, затапывая огонь. Дана торопливо спрятала хлеб за пазуху и бросилась на подмогу... Дым, попав в легкие, тут же вызвал приступы кашля. За считанные секунды огонь перебрался с пола на стены. Все вокруг устрашающе трещало, вспыхивало, щелкало, отбрасывая искры. Бродяги пытались погасить огонь, но тот разгорался еще сильнее.

Каждый пытался вытащить что-то особенно ценное, но в переполохе никто не понял, что на самом деле у них нет ничего такого, ради чего стоит бросаться в пожар. Первым понял всю бессмысленность ситуации Антон. Он в панике начал дергать за рукав Крейзи, что-то кричать Дане, но дым прерывал слова удушающим кашлем. Неожиданно с потолка отвалился кусок штукатурки, с грохотом разбившись об пол. Дана и Антон уставились в вверх. И в клубах дыма они увидели жуткое зрелище: под потолком на короткой веревке болталось безжизненное тело Запонки. Крейзи в это время была увлечена поиском своих припасов и ничего вокруг

не замечала. Именно в этот момент между Даной и Антоном родился молчаливый заговор. Увидеть смерть своей питомицы для Крейзи было бы тяжелым ударом.

Еще один горящий обломок полетел сверху на пол. Пожар разгорался. "Сейчас крыша рухнет!" – крикнула Дана и только тогда, бросив все, все помчались на улицу. Крейзи пришлось вытаскивать силой, она хотела забрать все накопленные за долгое время вещи, но времени уже не было.

Бродяги молча стояли в стороне пылающего здания, с тоской наблюдая, как сгорает их теперь бывшее пристанище.

– О, тихие небеса! – с грустью прошептала Дана.

– Нам пора уходить, – негромко произнес Тоник. – Сейчас пожарные приедут.

Дана не стала расспрашивать своих друзей о случившемся: и без слов все трое знали, кто устроил пожар.

Спасти из огня удалось лишь небольшую кучку вещей. Крейзи, Тоник и Дана собрались было забрать эти вещи, ради которых рисковали жизнью, но теперь они оказались совершенно никчемными. Стало понятно, почему сначала возникла такая суматоха: каждый искал свои вещи и не мог найти то, что надо. Все более-менее ценное в их жилище было заранее вынесено поджигателями или быстро сгорело, а то, что лежало сейчас перед ними, было лишь кучкой хлама. Тоник и Дана молча пошли прочь с пустыми руками, и Крейзи, махнув рукой, отправилась следом, переживая, что рядом нет Запонки. Они шли молча, не зная куда, но уверенные в том, что теперь больше никогда не вернуться на это место. Никто особо не переживал по поводу потерянного, им не впервой что-то терять. Только охватившее уныние заставляло углубляться в размышления. Никто ничего не говорил, каждый думал о чем-то своем. ...

– Почему мы не имеем права вмешиваться?

– Ты не права. Вы имеете право вмешиваться, но только в особом случае.

– И что это за особый случай?

– Смерть.

– Но ведь именно этого и надо избегать.

– От смерти невозможно убежать, к ней приходит каждый.

– Ну вот, я опять тебя не понимаю.

– Каждый человек сам строит свою судьбу. Он имеет право делать выбор, от которого зависит судьба. В тот момент, когда он принимает решение, никто не должен вмешиваться, даже если известно, что хорошо, а что плохо. Постороннее вмешательство может нарушить течение жизни. Первый закон Перекрестка – Невмешательство. Мы все равно не можем заранее знать, куда на самом деле выведет человека этот выбор – судьба изменчива. Вмешиваться можно только тогда, когда действительно возникает угроза жизни, и то, если это смерть, для которой не настало еще время.

– Значит...

– Это значит, что, когда наступит время реальной смерти, даже если человек слишком молод, вмешательство строго запрещено.

– Что же тогда делать нам, если нельзя вмешиваться?

– Наблюдать...

Первой заговорила Крейзи.

– Надо отомстить.

– Это не поможет, – вяло отозвался Тоник.

– Ты прав, – согласилась Дана. – Это только разозлит их еще больше.

– Они не оставят нас в покое. Надо отомстить, – не унималась Крейзи. – Они убили мою Запонку!

– С чего ты взяла, что ее убили? – удивился Антон, переглянувшись с Даной.

– Но ее же нет! Я уже часа три ее не видела.

– Да нет же, она просто убежала, испугавшись огня! – попыталась успокоить ее Дана. Но то, что они с Тоником пошли на этот обман, тревожило ее. Ведь они давали Крейзи напрасную надежду. Правильно ли это было – солгать, чтобы уменьшить боль утраты?

– А вдруг она сгорела? – голос Крейзи задрожал.

– Не такая уж глупая твоя Запонка, в огонь бросаться не будет, – начал убеждать Крейзи Тоник.

– Конечно, она просто испугалась и, скорее всего, найдет тебя через какое-то время, ведь собаки умеют находить по запаху, – добавила Дана.

– Думаете, она вернется?

– Конечно, вернется! – хором ответили Антон и Дана.

Дана вытащила из-за пазухи хлеб, который она успела по дороге надкусить, и протянула его Крейзи. Та с удовольствием отломала себе большой кусок и незамедлительно впиалась в него зубами. Тонику тоже досталась своя доля. И все трое, пожевывая хлеб, пошли дальше.

9. Месть Крейзи.

Они пришли в район заброшенных зданий, которые подлежали сносу, но пока время этого события оставалось неопределенным. Старое здание могли снести завтра, а может и через месяц-два. Если этого не произойдет, у многих бродяг появится шанс там перезимовать. Но для жителей улицы любое убежище не может быть полностью безопасным, они привыкли жить так – всегда настороже.

Это двухэтажное здание Тоник присмотрел давно, только сомневался, что оно никому не принадлежит. Однако сейчас у них не было выбора, одной бессонной ночи им хватило.

Крейзи, Тоник и Дана решили разместиться на втором этаже, в самой дальней комнате. С осторожностью они провели там еще одну бессонную ночь, опасаясь, что могут появиться "хозяева". Но прошли вторые, третьи сутки – никого. И только тогда «жилыцы» решили приступить к освоению новой "квартиры". К входной двери, для маскировки, нагребли побольше рабочего мусора: кирпичи, доски, обрывки обоев. Лестницу на второй этаж наполовину развалили и тоже замаскировали мусором. По неосторожности в таком месте можно было напороться на ржавый гвоздь или подвернуть ногу, наступив на кучу битых кирпичей. Сами новые «жилыцы» пробирались в своё убежище через окно, особым способом. По очереди они отставляли ночные смены. Для безопасности необходимо было, чтобы один человек был начеку.

Постепенно жизнь бездомных снова вошла в относительно привычное русло, даже стала немного безопаснее, поскольку теперь «стрижи» не знали об их месте. Дорогу к новому убежищу тщательно маскировали, петляя и удлинняя даже короткий путь, пробираясь через забор. Так, в случае слежки, их легко можно было потерять из виду.

Крейзи еще переживала исчезновение своей собачки, она продолжала ждать ее. Нового питомца она не хотела заводить, а Запонка, конечно, так и не вернулась...

– Значит так, – начал Тоник, обращаясь к Дана. Вид у него был серьезный и важный, ведь он в их маленькой компании считался главным. – Ты у нас еще новенькая, и поэтому сегодня будешь только смотреть, как мы работаем, а уж потом попробуешь сама. Учти, что надо соблюдать несколько правил. Правило номер один: смотреть и видеть. То есть ты не должна пялиться на всех, надо научиться одним скольльзящим взглядом узнавать всю информацию, которая тебе нужна. Правило номер два: не обращать на себя внимания, передвигаться медленно и уверенно. Правило номер три: ты к нам не подходишь, мы сами подойдем к тебе при необходимости. Если ты будешь соблюдать эти правила, то нам бояться нечего. Постоянно наблюдать за нами ты можешь только несколько секунд, потом смотришь на что-нибудь ещё секунды три, но не оборачивайся слишком часто, не верти головой. Ну что, поняла?

Дана кивнула, и Тоник продолжил:

– Ты будешь стоять в стороне. Сделай вид, что кого-то ждешь. Если будут проходить менты, хотя это вряд ли, – не обращай на них внимания, не показывай волнения. И все получится. И ещё... Если кто-то попадает, тут уж каждый сам за себя.

– Ну, ты даешь, Тоник, – вмешалась Крейзи. – Ты проще не мог все это объяснить?

– В таких делах проще быть не может, – сухо и деловито ответил он.

– Так, ладно, заканчивай балабонить, сынок, – Крейзи встала в полной готовности.

– Ну, ты все поняла, Ангел? – снова спросил Антон.

Дана снова молча кивнула.

Прошло еще несколько дней. Дана, наблюдая за своими друзьями, постепенно освоила хитрости воровства. Ей думалось, что и не воровство это было, а собирание товара, который оставался без присмотра продавца. И каждый день был не похож на предыдущий, каждый раз во время вылазки происходило что-то новое.

Однажды Тоник пришел с большим пакетом, загадочно улыбаясь.

– Чего ты там притащил? – поинтересовалась Крейзи. – Небось, опять барахло какое-нибудь?

А Тоник, не скрывая радости, вытащил из мешка кроссовки и тут же присел их примерять.

– Черт, – разочарованно произнес он. – Большие.

– А ну-ка я, – поспешила выхватить новую обувь Крейзи, как только Тоник разулся.

Но и она вздохнула – кроссовки были ей маловаты. И тут они почти одновременно посмотрели на Дану. Старые тапочки, в которых была Дана, постоянно слетали, если приходилось быстро идти или бежать. На это Антон и Крейзи давно обратили внимание, поэтому новое приобретение неожиданно оказалось прямо перед девушкой.

В кроссовках было тепло и мягко. На вид они были слегка потрепанные, но еще целые, если не считать трещины на левой подошве.

Это был маленький праздник для всех. В мешке оказалось много полезных вещей: свитера, пара растянутых, но целых футболок и даже куртка для Тоника.

– Где ты все это взял? – осторожно поинтересовалась Дана.

– На свалке, на северной стороне, – ответил Антон, натягивая на себя сразу две футболки. После пожара он старался не оставлять ничего ценного в убежище.

– На свалке? – девушка невольно скривилась, вспомнив свою первую встречу с Крейзи у мусорных баков:

– Что, Ангел боится испачкать свои белоснежные крылышки? – невесело засмеялась Крейзи.

– Не в этом дело, просто это ведь неплохие вещи, а их кто-то выбросил, – неуверенно попыталась оправдаться девушка. Тоник искоса посмотрел на нее и после недолгого молчания ответил.

– Свалка, это не просто скопление мусора. Это место, куда люди сбрасывают все, что мешает им жить, все, что не дает им покоя. Среди общего хлама есть вещи, которые для кого-то связаны с неприятными воспоминаниями, глупыми ситуациями, чувством унижения, чувством поражения, горя, обиды, ненависти, боли. А есть те, кто думает, что, избавившись от грязи, перестанет быть грязным внутри. Есть и те, кто пытается освободиться от старого, чтобы получить что-то новое, надеясь, что прошлое не будет их преследовать. Так что не такое простое это место – свалка.

Тоник замолчал, продолжив перебирать вещи. Повисла неловкая пауза. Дана озадаченно смотрела на мальчишку, и даже Крейзи перестала возиться, переваривая услышанное.

– Да расслабьтесь, это мне один бородач на свалке лекцию прочитал, – улыбнулся Антон.

Все дружно засмеялись.

– Ну ты даешь, Тоник, – Крейзи шутливо ткнула его локтем в бок. – А я уж подумала, что у тебя от голода умные мысли поперли.

В конце августа жара заметно спала. Ночи стали прохладными. Надо было запастись мелкими щепками и бумагой, чтобы в холодные вечера разжигать костер.

Как-то Крейзи вернулась необычно поздно. Она пребывала в приподнятом настроении, довольно посмеивалась, на ее морщинистом лице сияла улыбка. Конечно, Крейзи всегда была немного странной, но тут было что-то особенно необычное. Дана и Тоник с удивлением смот-

рели на нее. А она, видя их замешательство, заводилась еще больше, гордая тем, что хранит свою маленькую тайну.

– Что с тобой случилось, Крейзи? Ты вся светишься, – с улыбкой спросила Дана.

– Что, выдалась удачная ходка? – любопытствовал в свою очередь Тоник.

Крейзи ничего не отвечала, а только поглядывала на них с той же непонятной радостью. Всё ещё посмеиваясь, она уселась рядом с ними, достала из-за пазухи пакет с сухарями, тут же развернула его и достала себе один сухарь, остальное протянула друзьям.

– О, где ты их раздобыла?! – в один голос удивлённо воскликнули Тоник и Дана.

– Не скажу-у.

– Да ладно тебе, Крейзи, нам же интересно.

– Нет, не скажу.

– А я знаю, – шутливо прищурил глаз Тоник. – Она себе жениха завела, а это его подарок.

– Точно-точно, – с улыбкой поддержала Ангел.

От этих слов Крейзи расхохоталась.

– Да ну вы что, какие женихи в моем возрасте! Хотя... – и она прыснула от смеха.

– Таа-ак, ну-ка давай рассказывай. Нам нужны подробности, – начала допрос Дана.

– Нет, нет, нет... Ни за что не догадаетесь, где я их достала, – заговорщически прошептала Крейзи.

– Купила? – начал гадать Тоник.

– Ну что ты.

– Выпросила у кого-нибудь?

– Не-а. Холодно.

– Стащила?

– Теплее-е.

– На рынке?

– Нет. Ни за что не догадаетесь, у кого.

– Ладно, мы сдаемся. Колись, Крейзи, хватит нас мучить, – вздохнул Тоник.

Крейзи довольно хмыкнула и подвинулась поближе.

– Я стащила их, – она подавила смех и продолжила, расплываясь в улыбке. – У «стрижей»!

Ангел и Тоник напряженно замолчали и беспокойно переглянулись.

– Ты что, ходила к ним? – осторожно спросил Антон.

Крейзи быстро закивала.

– Зачем ты это сделала? – тихо и медленно продолжил он. – Ведь они наверняка тебя выследили и теперь знают, где мы живем.

– Нет, нет! – радостно возразила Крейзи, и она даже встала от возбуждения – так ей не терпелось рассказать все в подробностях. – Теперь они точно не будут нас доставать!

Крейзи стала ходить по комнате, бурно жестикулируя руками, пытаясь что-то изобразить.

– Я несколько дней следила за ними, а они меня даже не видели. Такие крутые, думают, что их все боятся, и никто не посмеет их потревожить. А тут я! Смогла их обдурить! Теперь у них там ох как жарко...

– Жарко? – Дана почувствовала, как возрастает напряжение в ожидании ответа.

– Я устроила им пожар! Я им отомстила за нас, отомстила! – выпалила Крейзи.

Тоник схватился за голову. Потом медленно встал и вышел. Оказавшись снаружи, Антон по привычке нащупал в кармане свой раскладной ножик. Он осторожно выглянул в ближайшее окно, потом в следующее, проверил лестницу, "систему охраны", прислушался – и ничего не услышал, кроме голоса Крейзи из дальней комнаты. Может, ее действительно не смогли выследить, но в это верилось почему-то неохотно. Тоник вернулся к окну: на улице никого

не было видно, в темном небе висела почти полная луна, никакого постороннего движения, только тени деревьев шевелились на земле от холодного ветра.

Когда Антон вернулся в комнату, Крейзи по-прежнему вела свой оживленный рассказ, не замечая реакции своих слушателей.

– У них все так быстро вспыхнуло, прямо как у нас тогда! А мне вдруг так весело стало, так хорошо! Как они там засуетились... Жаль, что никто из них не поджарился, а то было бы еще лучше... Ну вот, я побежала, а один меня заметил – и за мной... Но я бежала быстро... Петляла, петляла – и убежала от них. Они меня не смогли выследить, Тоник, правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.